

Фан Цзычэнь отсчитал шесть штук и, аккуратно завернув остатки в промасленную бумагу, сунул сверток в руки Гуай-цзаю.

— Ешь понемногу, не всё сразу, иначе зубы испортятся.

Малыш обеими ручонками прижал к себе заветный кулек. Для ребенка искушение сладостями было слишком велико, а учитывая, что он никогда раньше не пробовал ничего подобного, кроха просто светился от счастья. Он уставился на сверток широко открытыми глазами, не в силах отвести взгляд, и часто-часто закивал, словно цыпленок, клюющий зерно:

— Поня-ю!

Фан Цзычэнь поднялся и подошел к Чжао-гэру.

— А это тебе. Тоже шесть штук, каждому поровну, без обид.

Тот покачал головой, не спеша принимать подарок:

— Ешь сам. Это ведь дорого стоит.

Ему было достаточно и того, что Фан Цзычэнь вообще о нем подумал.

— Я такое не ем, — отрезал юноша. — Мужчине не к лицу лакомиться сладостями.

Чжао-гэр лишь молча посмотрел на него.

— Я купил это для тебя и Гуай-цзая, так что бери, — продолжил Фан Цзычэнь. — Подумаешь, шесть ягод, не жалея их. Вот разбогатею, буду покупать тебе их целыми корзинами.

Сладости и впрямь влетели в копеечку. Юноше было даже немного неловко: днем, услышав причитания мальчишки-приказчика у лавки, он поддался порыву и зашел внутрь. Будь он по-прежнему Третьим молодым господином семьи Фан, он бы швырялся такими деликатесами направо и налево, а теперь, когда в карманах гулял ветер, приходилось считать каждую штуку.

Чжао-гэр принял сверток и тихо спросил:

— Ты больше не злишься?

Он имел в виду случай с Лю Лайцзы. Фан Цзычэнь давно остыл, но, завидев этот робкий и встревоженный взгляд, не удержался от желания подразнить супруга.

— Если похвалишь меня, так и быть, прощу окончательно.

Чжао-гэр нахмурился, всерьез задумавшись. После долгого молчания гэр наконец выдал:

— Ты... очень красивый.

Фан Цзычэнь замер.

— И это, по-твоему, похвала? Ты просто констатируешь очевидный факт, — он пренебрежительно махнул рукой. — Придумай что-нибудь другое.

Собеседник помедлил, подбирая слова:

— У тебя хороший характер.

— Это и так всем заметно. Давай следующее.

— Ты очень высокий.

— Только слепой этого не увидит. Не считается.

Чжао-гэр неловко откашлялся, стараясь не смотреть в глаза мужу.

— У тебя очень светлая кожа и красивые глаза...

— Это скорее тебе подошло бы, — вздохнул Фан Цзычэнь. — Нет, так людей не хвалят.

— А как же тогда?

— Хвалить надо, учитывая, кто перед тобой! Я — мужчина, какой мне прок от твоих рассказов про нежную кожу? Ты должен был сказать, что я мужик хоть куда и в деле мастер.

Чжао-гэр лишился дара речи. В этих словах слышался явный намек на заигрывание, что в их нынешнем положении звучало довольно двусмысленно.

Заметив, как супруг начал меняться в лице, Фан Цзычэнь потер нос и, задрал голову, уставился

в небо:

— Ох... какая сегодня, однако, чудесная погода!

Чжао-гэр сверлил его взглядом, не проронив ни звука.

— Что у нас на ужин? Пойду-ка загляну на кухню, — пробормотал Фан Цзычэнь и, не дожидаясь ответа, позорно бежал.

Чжао-гэр плотно сжал губы, чувствуя, как кончики ушей заливаются пунцовой краской. Глядя вслед поспешно скрывшемуся мужу, он всё же не выдержал и тихо рассмеялся.

Готовил Чжао-гэр и впрямь отменно.

Отваренная свиная шкурка, нарезанная аккуратными ломтиками и перемешанная с измельченной зеленью чжэ'эргэнь, чесноком и луком, выглядела настолько аппетитно, что слюнки текли сами собой. Чжао-гэр уже всюду орудовал палочками, но заметил, что Фан Цзычэнь лишь немигающим взглядом гипнотизирует блюдо.

— Почему ты не ешь?

Чжэ'эргэнь — вещь коварная: одни обожают этот специфический вкус, другие же от одного запаха готовы бежать без оглядки. Фан Цзычэню аромат казался странным — и не то чтобы приятным, но и зловонным не назовешь. Словно и не пахнет вовсе, а... смердит рыбой.

Гуай-цзай, взобравшись на скамеечку, подхватил порцию палочками. Нарезанная зелень так и норовила выскользнуть, поэтому он подставил ладошку снизу, а упавшие кусочки миглом всосал в рот. Глаза малыша довольно сощурились, на личике отразилось полное блаженство.

«Опять за свое, — подумал Фан Цзычэнь»

Гуай-цзай уплетал это блюдо с таким видом, будто перед ним стояли редчайшие деликатесы из морепродуктов. Видя, с каким аппетитом ест сын, юноша сглотнул набежавшую слюну и спросил:

— Гуай-цзай, неужели вкусно?

Мальчик моргнул и радостно улыбнулся:

— Очень!

Фан Цзычэню показалось, что над ним издеваются, но любопытство взяло верх.

Чжао-гэр мягко улыбнулся:

— Непривычно? Прости, у нас в деревне все это любят. Хочешь... Чжоу-гэр прислал немного капусты, я могу быстро ее поджарить для тебя?

— Не нужно, — Фан Цзычэнь покачал головой, вновь уставившись на тарелку.

Может быть, это как с вонючим тофу? Пахнет скверно, а на вкус — объедение. Он осторожно поднес палочки ко рту... И впрямь, оказалось поразительно вкусно.

— Завтра хочу то же самое, — вынес он вердикт в конце трапезы.

Возможно, благодаря плотному ужину, Фан Цзычэнь спал этой ночью без задних ног. Чжао-гэр же, по привычке, поднялся еще до рассвета, когда небо едва начало сереть, а деревенские петухи только завели свою бесконечную перекличку.

Видимо, зов крови брал свое — Гуай-цзай просто не мог отлипнуть от Фан Цзычэня. Если раньше он спал смирно, то теперь за ночь умудрялся развалиться на груди «отца», точно маленькая черепашка. Глава семейства даже жаловался, что порой просыпается от ощущения, будто его придавило домовым.

Чжао-гэр осторожно переложил сына на кровать, укрыв старой одеждой, и, перебравшись через спящего мужа, бесшумно вышел из комнаты. Но стоило ему умыться на кухне и взяться за тесто, как на пороге, потирая глаза и зевая во весь рот, появился Фан Цзычэнь.

Случай, надо сказать, из ряда вон выходящий.

Заметив на себе ошеломленный взгляд супруга, юноша усмехнулся:

— Что так смотришь? Неужто я еще больше похорошел за ночь?

Он на всякий случай потер уголки глаз, проверяя, не осталось ли там следов сна.

— Почему ты так рано встал? — удивился Чжао-гэр.

Фан Цзычэнь обожал поспать подольше, и эта его слабость была известна всем. Когда он только собирался устраиваться на работу в город, он едва ли не на коленях умолял Чжао-гэра:

«Обязательно буди меня по утрам! Наше пропитание и мое рабочее место теперь целиком в твоих руках».

Тогда Чжао-гэр воспринял это со всей серьезностью. Он думал: ну что за беда — поспать любит? Раз позовешь, другой — поднимется как миленький. Но Фан Цзычэнь оказался крепким орешком. Чжао-гэр мог по три раза прокричать ему в каждое ухо, а в ответ слышал лишь невнятное: «Еще одну минуточку...»

Гэр так и не понял, что это за «минуточка» такая и сколько она длится, но в нежелании мужа покидать постель убедился сполна. А тут — невидаль! Сам встал, да еще в такую рань.

— Тебе нездоровится? — в тревоге спросил он.

Фан Цзычэнь лишь фыркнул:

— Не каркай с самого утра!

Умывшись, он зашел в комнату, подхватил ту самую дубинку, что принес в прошлый раз, и, не проронив ни слова, направился к выходу.

— Куда ты? Лапша скоро будет готова!

Юноша даже не обернулся, лишь небрежно махнул рукой на ходу:

— Ешьте без меня, не ждите.

В деревне Сяохэ почти все носили фамилию Хэ. Поселение было крошечным, и восемь из десяти дворов приходились друг другу родственниками в том или ином колене. Семья Хэ Далэна считалась по местным меркам зажиточной: утром жена частенько варила ему батат. Те же, кто жил победнее, перебивались двумя скудными трапезами в день.

Никто в здравом уме не позволял себе такого расточительства, как в доме Фан Цзычэня. Хорошо, что односельчане не знали о его привычке лопать белую лапшу чуть ли не каждый день, иначе он снова стал бы главной темой для пересудов.

Позавтракав бататом, Хэ Далэн вскинул на плечо мотыгу и зашагал к полю, как вдруг услышал оклик:

— Дядя, подождите минутку!

Хэ Далэн обернулся:

— Паренёк Фан? — Его взгляд невольно упал на дубинку в руках юноши, и голос невольно дрогнул: — Есть... есть дело?

Фан Цзычэнь расплылся в самой что ни на есть благопристойной улыбке:

— Хотел спросить, как пройти к дому Лю Лайцзы.

Слухи о том, как Лю Лайцзы вчера преследовал Чжао-гэра, уже облетели всю деревню, так что Хэ Далэн мгновенно сообразил, к чему клонится дело. Ханьцзы Чжао-гэра шел требовать ответа за обиду.

— Знаю, конечно, знаю, — дядя Хэ любезно указал направление. — Иди по этой дороге до вон того молодого тополя, там свернешь налево и ступай прямо. Как увидишь во дворе финиковое дерево — значит, пришел. Это и есть дом Лю Лайцзы.

— Благодарю, дядя.

— Да брось, свои люди, чего уж там!

Стоило Фан Цзычэню скрыться из виду, как к Хэ Далэну подскочило еще несколько человек.

— Это ведь Фан Цзычэнь был? О чем он спрашивал? Зачем ему дубинка, не тебя ли бить собрался?

— С чего бы это? Я его не задираю.

— Так чего он хотел?

— Спрашивал дорогу к Лю Лайцзы.

— Ох, беда будет! Наверняка драка затевается, бежим скорее посмотрим!

Забыв про полевые работы, толпа дружно двинулась вслед за Фан Цзычэнем к дому обидчика.

Лю Лайцзы, который вчера едва унес ноги от разъяренного Лю Дачжи, выбился из сил и этим утром спал без задних ног. Его сладкий сон прервал оглушительный грохот — это Фан Цзычэнь с дубинкой на плече бесцеремонно ввалился во двор. Осмотревшись и убедившись, что адрес верный, он с размаху вышиб дверь и вошел внутрь с видом наглого ростовщика, явившегося за долгом.

— Лю Лайцзы дома? А ну, выметайся живо, паскуда!

Хозяин, бледный от ярости, распахнул дверь своей каморки:

— Ты еще кто такой, мать твою?!

— Фан Цзычэнь. Муж Чжао-гэра. Будем знакомы.

Лю Лайцзы осекся.

— Зачем... зачем ты пришел?

— Да так, низачем. Потолковать о жизни, о планах на будущее.

Лю Лайцзы совершенно не испытывал желания обсуждать свое будущее. Хэ Эргоу уже рассказывал, как лихо Фан Цзычэнь разделался с тремя мужиками из семьи Ма. Тогда обидчик не придавал этому значения, но после недавнего налета Фана на дом Ма, он призадумался.

— Ну что же ты, не пригласишь гостя присесть?

Лю Лайцзы приоткрыл дверь лишь наполовину и уже собирался захлопнуть ее перед носом незваного гостя, но Фан Цзычэнь лишь холодно хмыкнул и рванулся вперед.

Хэ Далэн и остальные увидели, как юноша буквально снес Лю Лайцзы с дороги, ворвался в дом и с грохотом запер за собой дверь.

— Это что же такое творится? Зачем дверь-то закрывать? Может... — зашептались в толпе. — Может, заглянем?

Не успели они договорить, как из дома донесся истошный вопль. Следом — еще один. И еще. У мужиков, стоявших снаружи, невольно пробежал мороз по коже.

«Сил небесных... — подумал Хэ Далэн. — Да свиньи у старосты на Новый год так не визжали»

Никто не знал, каким именно экзекуциям подвергал Фан Цзычэнь несчастного сластолюбца, но от этих криков волосы дыбом вставали.

Внезапно дверь приоткрылась. Лю Лайцзы, с лицом, превратившимся в сплошной синяк, попытался выползти на улицу, но чья-то крепкая и бледная рука ухватила его за щиколотку и безжалостно затащила обратно в полумрак.

Дверь с треском захлопнулась снова.

Свидетели этой сцены лишь ошеломленно переглянулись.

<http://bllate.org/book/15357/1421482>